

Юрий А. Сорокин (Москва)

Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь (попытка расширения понятийного аппарата)

✂ Ключные речи:
антропофильный versus антропоцентрический стиль семио-культурологического исследования, культура и хомо-ландшафт, лингвокультурософия/семиокультурософия, фрактальные компоненты культуры, мема/мнема, доксиграфия/доксология, докса versus концепт, доксологический тезаурус.

Као искорак у разумевању суштинe човека и културе применом савремених антропоцентричних и артефактцентричних метода модерне културологије, лакунологије и соматологије узима се укључивање последњих у шири ентитет антропофилне по својој оријентисаности семиокультурозофије. Хеуристичку и херменаутичку ограниченост *концепција*, који представља средство рационалне и рационалистичке спознаје и тумачења, укида и компензира *докса*, дете разума и емоције.

Прежде всего, укажу на работы некоторых авторов, в которых рассматриваются те или иные проблемы, имеющие прямое или косвенное отношение и к лингвокультурологии, и к лакунологии, и к соматологии – Красных 2002, Гудков 2003, Быкова, 1999, Лакуны в языке и речи 2003, Вопросы психолингвистики 2006, *Lakunen-Theorie* 2006, Романов, Сорокин 2004, Журавлев, Никитина, Сорокин... 2005. Имея эти работы в виду и отсылая к ним интересующихся, попробую обсу-

дить возможность использования новых понятий, небесполезных, на мой взгляд, для тех, кто занимается исследованиями в рамках этой триады или на том или ином диадическом стыке.

Пункт первый: лингвокультурология. Принято считать, что основной целью лингвокультурологии является фиксация / знаковое опредмечивание тем или иным языком антропогенного / неотприродного ландшафта / рельефа (в самом

широком понимании этих слов). Такая точка зрения вполне удобна, ибо позволяет сосредоточиться «на подсчете» и группировке языковых / речевых единиц, в которых «находят» те или иные культуральные ценности / «видят» те или иные культуральные метки. Ей можно и, очевидно, нужно противопоставить и другой подход: считать термин лингвокультурология слишком узким и противопоставить ему другой термин, а именно *лингвокультурософия* или, что еще, на мой взгляд, лучше *семиокультурософия*. Оправдать использование этих двух терминов можно, по-моему, тем, что если лингвокультурология антропоцентрична, то лингвокультурософия / семиокультурософия антропофилична, ориентируя (в противовес лингвокультурологии) не на вещи, а на предметы, точнее говоря, на образы этих предметов, являющиеся «сгустками» рефлексии. Они, по словам М. К. Мамардашвили, и есть «...некий первичный фонд или фонд, к которому мы можем выходить лишь путем аналитического употребления термина «сознание». Это некое пространство или тигель человечества, в котором совершаются какие-то события, по отношению к которым реальные эмпирические социальные и культурные структуры являются лишь конкретизациями, вариациями, знаковыми культурными образованиями и т.д. <...> ... мы должны говорить о сознании в том случае, если неотмыслимые от него явления есть реальные объективные и несводимые события в мире. То есть такие, которые мы действительно можем отличить (согласно лейбницевскому принципу неразличимого) и которые не являются калькой, дубликатом каких-либо других, физических. Например, сознательные явления... явно отлича-

ются тем, что они индивидуируют себя... Они, во-первых, индивидуируют себя – индивид есть единственная данная бесконечность – и во-вторых, экранируют себя» (Мамардашвили 1996: 224–225).

Фиксирует ли лингвокультурология «несводимые события» и «фиксирует себя» – вопрос спорный, но, по-видимому, ей, прежде всего, важны знаковые тела, «обволакивающие» вещи, и языковые / речевые экраны и даже смыслы как *представления о намерениях*. Если для лингвокультурологии «язык – это обычай, гигантский... обычай влиять на определенные вещи» (Келлер 1997: 96), то для лингвокультурософии / семиокультурософии «...язык – ненамеренное коллективное следствие ненамеренных действий индивидуумов» (Он же: 109), хотя, вопреки Р. Келлеру, я считаю, что и естественные языки и «языки» вторичных знаковых систем являются феноменами симбиотического вида – и естественными феноменами, и артефактами третьего порядка. Ср. с точкой зрения Р. Келлера: «Я называю вещи, которые являются результатами действий людей, но не целью их намерений, «феноменами третьего вида» <...> Феномены третьего вида – это, конечно, те самые фергюсоновские «учреждения, которые являются результатом действий человека, но не выполнением его воли». Что я хотел бы утверждать? Во-первых, что естественные языки являются феноменами третьего вида, а не естественными феноменами и не артефактами. Во-вторых, я хотел бы утверждать, что рассмотрение языка как феномена третьего вида позволяет сделать как раз то, чего страстно желали лингвисты XIX века, но что и поныне остается пределом мечтаний: дать понятие языка, отвечающее его постоянному изменению» (Келлер 1997: 115–116).

Примечание: Согласно Р. Келлеру, результаты человеческой деятельности следует подразделять на артефакты и феномены третьего вида (Он же: 115). Но основания для такого разделения все-таки остаются не очень четкими, так как основой появления артефакта является *ментефакт / план-образ*, по схеме которого тот или иной артефакт и конструируется. Действия / поступки также подчиняются этому правилу, ибо всякое действие направляется и управляется намерением / мотивом / интенцией. Иными словами, если феномены третьего вида / порядка телеонимичны, то не в меньшей степени они и *каузаномичны / полипричинны*.

Показательно и скептическое отношение Р. Келлера к понятию *мема* Р. Докинса: «В книге «Эгоистический ген» он далеко зашел в аналогиях между биологической и культурной эволюцией и с этой целью изобрел даже новое (может быть, понимаемое не вполне серьезно) соответствие для гена в области культуры – мему. <...> Мемы – это, так сказать, единицы памяти, величина которых как раз такова, что они «блоками» могут переноситься из одной памяти в другую. <...> Как и гены, некоторые мемы тоже собираются в совместимые мемокомплексы, чтобы повысить выживаемость или заразительность. <...> Мемы конкурируют друг с другом. <...> Слова и формы Макса Мюллера, которые борются за существование, и мемы Ричарда Докинса, конкурирующие за более высокую частотность в мемофонде, имеют одну общую черту: и те, и другие стилизованы под действующие лица» (Келлер 1997: 258–259). И в развитие идей Р. Докинса Р. Келлер добавляет: «По аналогии с генофондом – множеством генов совокупной популяции – мы могли бы представить себе языковой мемофонд.

Это было бы множество всех языковых мем языкового сообщества, то есть всех языковых единиц, значимость которых как раз достаточна для того, чтобы попасть из одной индивидуальной компетенции в другую» (Он же[^] 259).

Примечание в примечании: Понятие мемофонда как динамической суммы вопросов и ответов на воздействие среды / на контактное и дистантное воздействие *гео-био-* и *хомоландшафтов* аналогично, по-видимому, понятию *мнематического комплекса / ансамбля* Н. А. Рубакина (1929 г.). Но он полагал, что не лексемы / не мемокомплексы «...стилизованы под действующие лица», а мнематические ансамбли стилизуют действующих лиц.

Предположение Р. Докинса весьма заманчиво, но оно сразу же заставляет задать вопрос: «А все-таки *что* же есть культура?»

В самом общем виде культуру можно определить как адаптивно-адаптирующий «механизм» (Э. Маркарян; но, по-видимому, этот «механизм» не только адаптирующий, но и адаптирующийся к хомоландшафтам). Культура есть природная-неотприродная инфраструктура (симбиоз природы творящей и природы сотворенной), существующая в виде *предметно-вещественных* и *семиотических* комплексов, хотя, например, Эдуард Сепир вряд ли согласился бы с такой точкой зрения, полагая, что «внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное искусство мышления... <...> Культуру можно определить, как то, *что* данное общество делает и думает. Язык же есть то, *как* думают» (Сепир 1993: 193).

(Обзор существующих точек зрения на это понятие см.: Донец 2001, Степанов 1997, Философия культуры 1998).

И все-таки можно предположить, что *мемы / мнемы* суть составляющие этой природно-неотприродной инфраструктуры, причем они *фрактальны*, или, иными словами, самоподобны, процессуальны, объективно-субъективны, «... изменяются в пределах от строгой регулярности до хаоса» (Степанов 2004: 191). Ср. также: «...обозначим в качестве основания экстраполяции (экстраполяции понятия фрактал на текстовую деятельность – Ю.С.) понимание Б. Мальдебротом фракталов как нерегулярных, но самоподобных структур, для которых свойственно бесконечное дробление и подобие мельчайших частиц целому (части лишь в каком-то смысле подобны целому)» (Старолетов 2005: 175).

Видимо, именно фрактальность *мем* и *мнем* как составляющих природной и неприродной среды и позволяет языкам (языки суть диахронно-синхронические мемы?) и культурам существовать в качестве специфических, отличающихся друг от друга семиотических и вещно-предметных конфигураций. Мы интуитивно улавливаем их свойства и качества, называя эти конфигурации «жаркими» или «холодными» культурами, хотя в большинстве своем культуры, по-видимому, «*мезотемпературны*» (очевидно, таковы *лингвосферы* и *семиосферы*, с которыми и внутри которых мы живем). На мой взгляд, «жаркие» и «холодные» культуры оправданнее было бы называть *эктогенетическими* и *антигаптическими* культурами. Культуры первого рода можно считать гаптическими, вторые – антигаптическими. Эктогенетические / гаптические культуры *этноанизотропны* (ибо этнос есть не что иное, как

мнемо-мемное образование), т.е. зависимы от направления развития среды – своей и чужой, автогенетические / антигаптические культуры *этноизотропны*, т.е. независимы от направления развития среды (от ее энтелехии). (См. в связи с этим: Голд 1990).

В культурах первого рода мощнее *культуральные аттракторы* (в них высок порог устойчивости и труднее находимы «точки бифуркации» (см. в связи с этим: Пригожин, Стенгерс 2001: 147–156)), во-вторых – мощнее *культуральные осцилляторы*. Их можно также противопоставить и по другому признаку: эктогенетические культуры *этноинвазивны*, автогенетические – *этноинтрузивны*, и, следовательно, полагать, что существуют *инвазивная* и *интрузивная* ментальность (инвазивное и интрузивное умо- и мироположение).

Пункт второй: лакунология. Исходя из вышеизложенных соображений можно, в свою очередь, утверждать, что те или иные лингвокультурософические / семиокультурософические общности неизбежно противопоставлены друг другу как «суммы» таких составляющих, которые прозрачны / узуальны в одной общности и непрозрачны / неузуальны в другой. Целью лакунологических исследований является фиксация и истолкование такого рода непрозрачностей как в рамках одной общности (*интралингво-культурософические / интрасемио-культурософические исследования*), так и при сопоставлении ее с другой (*интерлингво-культурософические / интерсемио-культурософические исследования*).

На мой взгляд, лакунология является частью *доксографии / доксологии*, которую целесообразно разделить на синхроническую (*синдоксография / синдоксология*)

И диахроническую (*диадоксография / диадоксология*). Целесообразен такой же подход и к лакунологии. В свою очередь, доксография / доксология (но и лакунология тоже) может быть вербальной и невербальной.

Выявление непрозрачных лакунологических отдельностей позволяет создавать соответствующие словари (о первой попытке такого рода см. Быкова, Фраер 2006), в которых словарные статьи выглядят как синтагматические цепочки, как амплификаторы (версии / варианты) той или иной непрозрачной отдельности. Неизбежно, по-видимому, и появление лакунографических грамматик, чьими облигаторными «единицами» можно считать конкретные вербальные и невербальные образы воспринимаемого (вербальные и невербальные *перцептивы*), а также вербальные и невербальные образы ситуаций (вербальные и невербальные *менталитивы* как образы сущего и должного). И перцептивы, и менталитивы столь же эндореферентны, сколь и экзореферентны.

Пункт третий, но связанный с пунктом вторым: соматология. Она также является частью *доксологии / доксографии*. И может быть ориентирована и на синхронические исследования (*синсоматология*), и на диахронические исследования (*диасоматология*). В рамках соматологии рассматривается человеческое тело как специфическая карта, которая прочитывается и оценивается, исходя из предсознательных / бессознательных допущений о приемлемом / аттрактивном или неприемлемом / неаттрактивном образе представителя той или иной лингвокультурософической / семиокультурософической общности. Естественно, что эти предсознательные / бессознательные допущения могут фиксироваться и внутри

какой-либо общности (*интрасоматология*), и при сравнении их с бессознательными / предсознательными допущениями, существующими в другой общности. Целью соматологии является составление портретов представителей той или иной общности и сопоставление / сличение их с портретами представителей какой-либо другой общности, что позволяет устанавливать причины положительного, нейтрального или отрицательного отношения людей друг к другу.

На мой взгляд, самое непосредственное отношение к соматологии имеют такие «... наиболее крупные частные науки, из которых складывается невербальная семиотика...» (Крейдлин 2002: 22), как кинесика, окулесика (на мой взгляд удобнее / удачнее был бы другой термин – *айсивика*), аускультация, гаптика, гастика, ольфакция и проксемика (Он же, 2002). Но самой важной для соматологии является *имадживика* (в узком смысле – *визажистика*) – ментальная и фактуальная, – или говоря иначе, «технология» составления реальных / фактических и прогностических портретов. Несомненно, что лакуны могут быть зафиксированы на любом уровне невербального общения, начиная с кинесического и окулесического и кончая ольфакционным и проксемическим» (неизбежны, по-видимому, и имадживистические, и визажистические лакуны).

Если допустимость использования в рамках соматологии понятий «коллокация» и «коллигация» остается неясной (*соматологическая коллокация и соматологическая коллигация? сомаколлокация и сомаколлигация?*), то вряд ли можно сомневаться в возможности составления соматологических словарей и тезаурусов (неизбежно лакунизированных), а шире – *доксаграфических / доксалогических слова-*

рей и тезаурусов, а также соматологических / доксаграфических грамматик, чьи разделы вряд ли окажутся идентичными разделам канонических грамматик.

И в заключение одно, может быть спорное, но существенное замечание: в рамках вышеперечисленных исследовательских направлений использование по-

нятия концепта неэффективно и в силу этого неправомерно. Концепт есть не что иное, как результат / сумма предельно рациональных усилий (веера рационализаций). Если это не так и в нем находят нечто не от интеллекта, то тогда это не концепт. Докса противопоставлена интеллекту: она дочь разума и чувства.

104

summary

Σ Linguistic culturology, lacunology, somatology regarded per se and with respect to their *a priori* correlation: an endeavor to extend modern apparatus criticus

Modern culturology, aimed at monitoring cultural markers, needs a counterpart best defined as semio-culture-ology. Whilst *linguistic culturology* is anthropocentric, *semio-culturology* by contrast with its complementary counterpart tends to be anthropophilic. *Semio-culturology* is keen primarily on *intentional substances/subjects*, belonging to basic fund of human consciousness and reflectivity, rather than on investigating cultural objects (e.g. segments of intra-culturally marked speech). The latter named *memes* (and on the reverse – *mnemes* as well) are viewed as fractal components of culture. Culture is regarded as a symbiotic infrastructure (it comprises both *natura naturans* and *natura naturata*), existing both as substantial complex of cultural objects and as a semiotic complex. Subtle multifold distinction between ecto-genetic and anti-haptic cultures is reviewed in the light of the concept of *mneme/meme* ethnic formations. Dialoguing correlation between culture viewed as adaptive mechanism and geo-, bio- and homo-scapes is presumed.

Different *lingua-culturosophic/semio-culturosophic* communities confront one another in representing sums of such components, which are transparent/usual in one community and non-transparent/opaque/not usual in other (so far different) communities. Lacunological investigations aim at monitoring and interpreting/explicating instances of opaqueness within frame of one (autochthonous) community (*intra-lingua-culturosophic/intra-semio-culturosophic* studies) and within frame of contrastive *inter-lingua-culturosophic/inter-semio-culturosophic* studies.

Lacunology may be treated as a part of *doxography/doxology* (δοξογραφία/δοξολογία). The latter splits into synchronic (*syn-doxo-graphy/doxology*) and diachronic (*dia-doxography/dia-doxology*). The same division concerns lacunology as well (*syn-lacunology/dia-lacunology*). In return *doxography/doxology* may be defined as verbal or non-verbal (which is already a matter of fact with lacunology). As for somatology, it should be regarded as a part of *doxography/doxology* as well. Likewise one can discern the difference between *dia-somatology* and *syn-somatology*.

To recapitulate with – a significant semantic disparity should be noticed concerning the notions of *concept* and *doxa* (Δοξα, doksa). Whilst the former is *sensu stricto* a result/just a sum of rational efforts to grasp the subject so that it can be viewed within frame of rational approach and not otherwise, the latter remains virtually a child of both reason and sense.

Литература

- Быкова 1999: **Быкова, Г. В.** Феноменология лексической лакунарности русского языка. – Благовещенск.
- Быкова, Фраер 2006: **Быкова, Г. В., Фраер, В. Л.** Лакуны русского языка. – Благовещенск. – вып. 1.
- Вопросы психолингвистики 2006: **Вопросы психолингвистики.** – Москва. – № 3.
- Голд 1990: **Голд, Дж.** Основы поведенческой географии. – Москва.
- Гудков 2003: **Гудков, Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. – Москва.
- Донец 2001: **Донец, П. Н.** Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. – Харьков.
- Журавлев, Никитина, Сорокин... 2005: **Журавлев, И. В., Никитина, Е. С., Сорокин, Ю. А., Реут, Д. В., Тхостов, А. Ш.** Психосемиотика телесности. – Москва.
- Келлер 1997: **Келлер, Р.** Языковые изменения. О невидимой руке в языке. – Самара.
- Красных 2002: **Красных, В. В.** Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – Москва.
- Крейдлин 2002: **Крейдлин, Г. Е.** Невербальная семиотика. – Москва.
- Лакуны в языке и речи 2003: **Лакуны в языке и речи.** – Благовещенск.
- Мамардашвили 1996: **Мамардашвили, М. К.** Необходимость себя. – Москва.
- Пригожин, Стенгерс 2001: **Пригожин, И., Стенгерс, И.** Порядок из хаоса. – Москва.
- Романов, Сорокин 2004: **Романов А. А., Сорокин Ю. А.** Соматикон: аспекты невербальной семиотики. – Москва.
- Сепир 1993: **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Москва.
- Старолетов 2005: **Старолетов, М. Г.** Методика фрактального анализа текста In: Языковое бытие человека и этноса. Психолингвистические и когнитивные аспекты. – Москва, – вып. 9.
- Степанов 1997: **Степанов, Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. – Москва.
- Степанов 2004: **Степанов, Ю. С.** Протей. Очерки хаотической эволюции. – Москва.
- Философия культуры 1998: **Философия культуры.** Становление и развитие. – с п 6.
- Lakunen-Theorie 2006: **Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung.** – Berlin.